

Парк в семейном альбоме

В парке «Изумрудный» вспомнили парк «Меланжевый». Поводом для обращения к истории стала Музейная ночь, она прошла 18 мая

Участники исторических посиделок встретились в визит-центре парка. С собой они принесли фотографии, сделанные в разные годы в парке Барнаульского меланжевого комбината (БМК). Другие люди, не сумевшие по разным причинам быть на встрече, заранее предоставили свои фотоархивы. Тут и понимаешь, почему несколько лет назад удалось отстоять парк: почти у каждого коренного барнаульца в семейном альбоме хранятся его «меланжевые» детские и юношеские годы.

Фотокарточки — самые удивительные и приятные реликвии. Они одновременно эмоциональны и информативны. Старые фотографии — это семейная летопись, но вместе с тем пожелтевшая от времени бумага хранит приметы, которые важны для общей истории.

Фотографии 1960–1980 годов дают представление об особенностях парковой архитектуры и скульптуры, и как следствие — об идеологии обозначенных лет. Большой интерес вызывает одежда запечатленных на фото людей. Костюм зачастую помогает определить годы съемки, поскольку мода имеет строгую привязку к временам. Фотография отражает формы проведения досуга, традиции и ценности; помогает определить датировку появления и существования парковых объектов, их дислокацию.

Вот, к примеру, фотография, представленная художником Евгением Скурихиным. На ней запечатлена его тетя. Карточка подписана: «Полина Афанасьевна Сергеева, работник трикотажной фабрики «Авангард», стаж 50 лет. Барнаул. Парк им. Сталина. 1955 г.» Отмечаем: в середине 1950-х парк был товал под другим названием. Женщина стоит на знаменитом мостике через пруд, излюбленном месте для фотографирования — таких фотографий в Барнауле тысячи. Историк моды обязательно остановит взгляд на платье Полины Афанасьевны — фасон, вид ткани, самодельный белый ажурный воротничок; отметит белые с полоской носочки, босоножки. Стиль пятидесятых.

А наш интерес как людей небезразличных к истории парка вызывает ограждение моста. Мы отмечаем его нарядность на фотографиях 1950–1960 годов. Визуальная привлекательность в общем-то создана просто — металлический орнамент покрашен в два контрастных цвета. Новое ограждение моста сплошь черное (возможно, пока), а также лишено звезд, вписанных в круги. Жаль, что подлинный декор не сохранен.

Евгений Евгеньевич Скурихин — один из самых важных хранителей истории парка меланжевого комбината. Он жил рядом с местом «культуры и отдыха» с начала 1950 годов, многое помнит и делится своими воспоминаниями с нами:

Олени на фоне планетария. Июнь, 1965.
Фото из личного архива Михаила Выграненко

Полина Афанасьевна Сергеева,
работник трикотажной фабрики «Авангард».
Барнаул, парк имени Сталина. 1955.
Фото из личного архива Евгения Скурихина

— Я был дошкольником, и, конечно, любил бывать в парке. Чтобы попасть на его территорию, нужно было купить билет. Кассиры сидели с обеих сторон от колонн — в «домиках». Для детей билет стоил 2 рубля, кажется. Запомнилось, что по выходным дням в кассы парка стояли очереди. Нас было пятеро братьев, и мы, конечно же, предпочитали попадать в парк через тайные лазы в заборе. В начале пятидесятых в парке еще можно было увидеть могильные плиты, все они находились недалеко от бывшей часовни. Я учился по ним различать буквы. Содержание прочитанного я, конечно, не вспомню, но я мог бы нарисовать эти камни и воспроизвести шрифт. От родственников мне известно, что на этом клад-

Самое большое количество фотографий — из архивов семей Береговых, Выграненко, Домошенко, Платуновых — приходится на начало — середину 1960 годов. Карточки этого периода отражают лучшие годы парка, его расцвет: много парковой скульптуры, и она разнообразна, работают детские аттракционы. Оказывается, в центре озера стояла фигура пловчихи, готовящейся прыгнуть в воду, а в аллеях парка было много сюжетной скульптуры, посвященной счастливому детству. Из кустов выглядывали добрые олени, мальчик в фонтане держал огромную рыбу, повсюду были расставлены вазы на постаментах. На всех фотографиях парк многолюдный, даже ночью.

Пруд в парке БМК. 1989.
Фото Веры Уразовой

Памятник С.М. Кирову в парке БМК. 1989.
Фото Веры Уразовой

бище похоронен отец Героя Советского Союза летчика Ивана Гулькина.

В те годы в парке работала библиотека, ее павильон можно видеть на старых фотографиях. Она находилась в той стороне, где сейчас построен новый комплекс «Изумрудный». Библиотека существовала в форме читального зала, я заходил, листал журнал «Юный техник», еще какие-то детские журналы. Недалеко от библиотеки стояла парашютная вышка. Однажды отец сбросил меня с нее, на стропах, конечно. Я не понял, что произошло, не представлял сути аттракциона. В парке работала бильярдная, она располагалась за летним кинотеатром, от которого сейчас осталась кинобудка. Был шахматный павильон. А в беседке на острове, помнится, играл духовой оркестр. В шестидесятых появилась танцплощадка, танцевали под живую музыку, песни исполняли группы, ансамбли. В глубине парка стояли ларьки с пивом и стеклянными большими кружками, рядом — высокие столы, сколоченные из досок.

Фотокарточки начала — середины 1970-х фиксируют первые утраты в скульптурной коллекции.

Авторские фотоработы Веры Уразовой датированы 1989 годом. Судя по ним, парк местами сильно запущен, но еще есть катамараны на озере, еще не снесена скульптура Кирова. Пройдет совсем немного времени и в парк будет страшно заходить, особенно в вечернее время — девяностые годы.

Благо время возрождения Меланжевого парка все же наступило, и это отдельная история, которая берет начало в 2018 году.

Подробная хронография парка, теперь называемого «Изумрудным», конечно, требует изучения. А пока воспоминания о нем Ольги Родионовой и Михаила Выграненко, детство которых пришлось на солнечные 1960-е.

Лариса Вигандт

Карусель в парке БМК. В центре на олене Миша Выграненко, рядом его отец Александр Николаевич. Июнь, 1965.

Фото из личного архива Михаила Выграненко

Пространство с аурой

Барнаульский парк меланжевого комбината, давно уже странно переименованный «Изумрудным», находится недалеко от улицы Советской, где я начал жить. И, конечно, я бывал там с раннего детства. Но сами по себе воспоминания очень скудные, по особенностям моей памяти. Помогают несколько фотографий благодаря тому, что мама увлекалась этим делом. Сразу скажу, что семейные походы в парк были нечастыми. Любил я карусель с шатром и с фигурами зверей. Когда запускали детей, они бежали занимать своего «скакуна», я переживал, как бы не заняли «моего» оленя с рогами. Любил деревянную беседку на острове в пруду, к ней вели два ажурных деревянных моста. По-моему, она была сделана сугубо для поедания мороженого. Еще любил сиделки на какой-нибудь полянке у парковых изваяний, с бутербродами и газировкой. Особый предмет моего детского вожделения — pedalные машинки напрокат. Там были также кони с сиденьем, велики, но меня интересовали именно машинки, даже когда колени уже плохо помещались в корпус. Запомнилось, что освобождения машинок приходилось ждать — наверное, их было немного. Или таких желающих, как я, хватало.

В те времена в парке стояла парашютная вышка — был такой аттракцион. Мама сказала, что с нее желающие прыгают для смелости. Вышка была видна отовсюду. Мне было одновременно и страшно на нее смотреть, и хотелось увидеть прыгающих людей. Поэтому я все время быстро на нее взглядывал и тут же отворачивал голову.

В мое дошкольное и раннее школьное время отец увлекался ловлей птиц. Это была не редкость тогда, много было голубятен. Такую роскошь отец себе позволить не мог и занимался собственноручным изготовлением клеток из железных прутьев и деревянных реечек. Птицы добывались на окраинах Меланжевого парка со стороны Сибирского проспекта. Несколько раз отец брал меня с собой. Мне тогда казалась эта часть парка прямо лесом. Ловить птиц мы ходили зимой — легче было приманить кормом. Отец учил меня различать голоса птиц и свистеть. Он отлично общался со снегирями, которые попадались гораздо реже синиц. Я помню, у нас одно время жила в клетке снегиринная парочка. Еще большая удача — щегол. Мама, конечно, очень не одобряла такого занятия.

Но мы птиц долго не держали, отпускали там же, где ловили. Отцу нравился сам процесс, в том числе изготовление клеток. Он набил на этом руку до мастерства. Я помню просторную клетку, похожую на планетарий в парке (я не знал, что это бывшая церковь), с центральной купольной частью и пристройками с дверцами по бокам. Она долго потом валялась в нашей подвальной секции, какие давались жителям пятиэтажек 1960 годов. Сгинула, конечно, а жаль: здорово была сделана.

Следующий сюжет, связанный с Меланжевым парком, относится к годам, когда я уже был старшеклассником. И когда я был достигнут первой любовью. Девочка жила далеко от центра в новом районе города, нас соединил первый сборный физико-математический класс в известной школе № 42. Я серьезно потерял голову, и по счастью это было взаимно. Мы почти каждый вечер гуляли по городу и быстро поняли, что нам хочется укромного места. Память о детских радостях построила в мозгу маршрут в парк, и одна из массивных лавочек у планетария, с лепными бетонными боковинами, стала нашей любимой. Это была поздняя осень. Все вокруг было усыпано желтыми листьями, слегка покрытыми первым снежком. Было уже и морозно. Но мы были горячи и боялись только одного — как бы не закрыли парк (его закрывали часов в 8 или 9 вечера). Лавочка была с той стороны, где находился открытый кинотеатр. Кажется, он тогда уже не действовал, но его двухметровый деревянный забор еще стоял. Той лавочки, конечно, давно уже нет. Она слишком много помнила.

Когда я приезжал в Барнаул уже со своими детьми, парк медленно умирал. Но пруд наполняли и в начале 2000-х. Были и лодки с катамаранами. Работала аттракционная часть территории, хотя состояние ее удручало. И все равно это пространство радовало какой-то аурой, которой, на мой взгляд, не хватало, к примеру, городскому парку у филармонии, с его роскошным фонтаном.

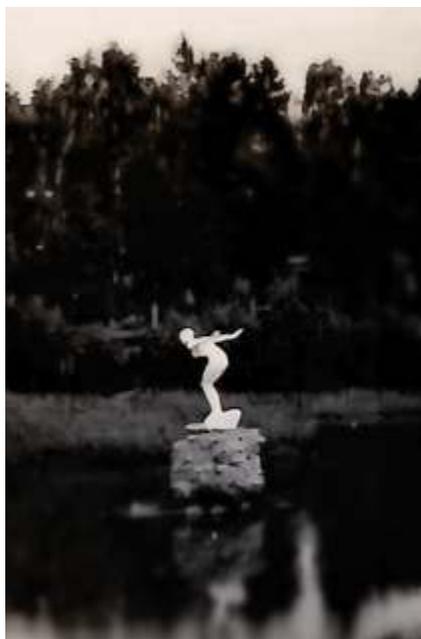
Михаил Выграненко

Флейты да валторны

— Леля! Лелечка! Не беги, упадешь в озеро!..

Стук дедовых костылей за спиной. Да — озеро. Они с бабушкой привычно называют озером пруд в Меланжевом парке. Мы сюда ходим редко, обычные рутинные прогулки — это в парке ВРЗ, мы живем в двух шагах оттуда, и дышать воздухом принято или там, или в нашем дворе, заросшем огромными тополями. Еще во дворе есть совсем старая яблоня, серая вереница сараев и кованая ограда, увенчанная пиками. Под нашим окном бабушка посадила малину. Утром меня будит солнце в высоком окне, гудки маневровых поездов с территории вагоноремонтного завода, неудержимая детская радость — лето!.. Солнышко!.. Горстка первой малины на блюдечке!.. И, наверное, воскресенье, потому что дедушка не уходит на работу, и мы идем на прогулку в Меланжевый парк. Там среди зелени притаился волшебный дом из сказки — планетарий с круглой крышей, в котором показывают звезды! Мы обязательно пойдем туда с дедом снова и снова. Еще там огромное озеро — как настоящее море. Там плакучие ивы над ним; мостик, по которому так легко бежать; беседка, лодочки внизу, на зеленой и сияющей от листвы и солнечного света воде... и лебеди у самого берега: пара

белоснежных и пара черных. Мне иногда говорят, что лебедей там никогда не было, утки были — но не там, а на ВДНХ, куда надо было подниматься по бесконечной лестнице, отдыхая на каждом пролете, потому что де-душке трудно на костылях. Но я почему-то помню лебедей. Я уверена, что именно там я впервые увидела черных — не на картинке, а в реальности. Когда я слышу: «Лебединое озеро», я всегда вспоминаю Меланжевый парк моего детства; иву, полощущую ветви в воде; гипсового оленя, выходящего из зарослей; цаплю на одной ноге (я тоже умею так красиво стоять на одной ноге, потому что я обязательно стану балериной!) и лебедей, прекрасных, как в сказке. Олень был моим другом, и цапля, и мальчик с рыбой в фонтане. Наверное, его звали

**Скульптура в центре пруда.
Парк БМК, первая половина 1960-х.
Фото из архива семьи Береговых**

Нелей, но время сожрало его. И моего оленя, и цаплю, и мостик, и лодки, и звезды, и озеро-море. И лебедей.

Кажется, Платон говорил: время уносит все, длинный ряд лет умеет менять и имя, и наружность, и характер, и судьбу.

Через много-много лет я вернулась домой, и брат позвал меня в Изумрудный парк (почему Изумрудный?), и я увидела на месте спущенного пруда продолговатую яму с бетонными бортиками, некрасиво застеленную каким-то черным покрытием. Это зрелище меня поразило: какой маленький этот бывший пруд! Совсем маленький. Какой бедный, какой чужой... И куда делись заросли, из которых глядел олень? И сам олень, где он? Исчезли статуи и фонтаны, белеющие сквозь пышную зелень на каждой аллее. Я не нашла даже кривую березу, у которой дедушка или, может, папа сфотографировал меня: в коротеньком платье и панаме, закрывшую лицо от солнца растопыренными ладошками. Может, ничего этого не было вовсе. Время меняет имя, наружность, судьбу. И вот у меня другие имя и фамилия, другое лицо, и балериной я не стала, и судьба увела меня так далеко от этого парка, что страшно поверить.

У выхода на старой яблоне висели гроздья мелких ранеток, сморщенных, с детский ноготок. Я сорвала сразу несколько и сунула в рот, ощущая непередаваемый кисло-сладкий вкус, давным-давно забытый. Брат огляделся по сторонам, стесняясь моего позора: «Ты что! Их не едят!» А вот и едят, братик. В моем детстве их еще как ели. Особенно вкусны они были ударенные морозом: нежные, кисленькие, тающие во рту.

Говорят, пруд снова заполнили водой и даже запустили китайских золотых рыбок. Они подплывают близко к берегу, радужные, сияющие, и выпрашивают еду у посетителей. Энтузиасты посадили молодые деревца взамен вырубленных оленьих куш. Раскопали какую-то из множества сломанных статуй и собираются ее восстановить — для атмосферности, я думаю. Кажется, починили мостик и старую летнюю эстраду. Обновили изгородь и входную группу. Говорят, туда каждые выходные устремляются горожане — там просторно, чисто, эстетично и комфортно. Парк «Изумрудный», красивое название. Но я закрываю глаза и вижу белые колонны, обещающие вход в сказку; буйную зелень, просвеченную солнцем; «чертово колесо» над макушками деревьев, таких старых, что они, наверное, застали смелую мечту градостроителей о городе-саде; моего друга оленя, глядящего на меня из чащи; огромное Комсомольское озеро — огромное, как море! — лодки на воде, ивы по берегам и лебедей, ведь я помню, что были, были лебеди...

В Меланжевом парке моего детства играл духовой оркестр. Как у Окуджавы: «В городском саду флейты да валторны...» Парк был праздником.

В нашем дворе я носилась с мальчишками; неосторожно карабкалась на терпеливую яблоню, покорно подставлявшую ветки; кормила черепаху одуванчиками; убегала в соседний двор, где однажды мне прилетело в лоб городошной битой; сбивала коленки и получала по мягкому месту прутиком от соседки бабы Тани: ее внучка Серёжку я часто подбивала на шалости. А в Меланжевом парке я чинно гуляла в платице и нарядной панаме, потому что по сказке следует бродить замороженно, как во сне, трепетно гладить оленя, обозреть с высоты «чертова колеса» зелень аллеи и маленькие фигурки людей внизу, смотреть, стоя на мостике, на солнечную рябь на воде самого огромного в мире озера-моря и махать рукой гипсовой цапле — она была родной, потому что точно такая же цапля, только фарфоровая, уменьшенная во много раз, стояла в серванте в бабушкиной комнате, пронизанной светом высокого окна.

Время сжирает все, сживает со свету фонтаны и заросли, рябь на воде, панаму, завязанную под подбородком, чтоб не улетела, старые тополя и старые вещи. Остаются воспоминания, похожие на сон, — стук дедовых костылей по коридору: «Лелечка, мы идем гулять», — бабушкина утренняя горстка малины; черепаха, роющая себе нору в палисаднике среди одуванчиков и сочной травы; старая яблоня, детская поликлиника на бульваре 9-го Января; школа № 105, в которой учился еще мой папа; его подростковый дневник в кожаном «командирском» планшете, найденный в сарае; пожелтевшие черно-белые фотографии, на которых половина людей уже не вспоминаются — кто они, соседи? Друзья? И музыка в городском саду.

Да — и лебеди, ведь были же лебеди, белые и черные, в Меланжевом парке! Не говорите мне, что их не было. В моем мире, в моем детстве все они были, живые, настоящие, незабвенные. Навсегда.

Ольга Родионова